

Павел и Тэкла

1. Pax Romana

I.
– Что это, Ангелы? Что за река?
– Это Рейн – сотоварищ потоков звездных.
Звезды двинули полчища
Римлян грозных,
И они прорубаются издалека
Сквозь леса,
Сквозь германцев свирепых рать,
Орошая кровью, своей и чужою,
Рейнские берега,
Чтобы им стать
Почвой новою,
Явью иною –
Рейн коронуется виноградной лозою.

Вот виноград обвивает Трир –
Древнего духа Германца обитель.
Чуждый веселья скорбный воитель
Силу он черпает только в сраженье.
Так пусть Дионисовой крови брожение
Хлынет теплом в его сумрачный мир!

Но ни вино,
Ни обманные ласки
Дионисийской дурманящей пляски
Долго его не продержат в плену.

Боги германские, скорбные боги,
К северным фьордам протопчут дороги.
Сердце холодное знает одну
Ненасыщаемую войну.

Станет Германец морским королем.
Духам, исполненным скорби и боли,
В битве над водною бездной раздолье.
Будут рубиться, страха не зная,
Кличет из битвы их бездна иная –
До разделенья пространств и времен.

Но звездам союзный Рейн-властелин
В холодное море
Несет свои воды,
И голос его доходит до фьордов
И даже до царства плавучих льдин.

И он заставит вернуться назад
Неумолимо-печальную душу
Бога-Германца, и он разрушит
Трир, облаченный в римскую тогу,
Трир, кадящий чужому богу,
И вытопчет его виноград.

Снова и снова
На суше и в море
Боги земные ведут свои споры.
Всем завладеть
Или все погубить –
А по-иному их спор не решить.

Но даже если удастся разрушить
Весь мир сотворенный –
Холодную душу
Согреть и утешить не сможешь опять
И в бездне ты будешь
От боли кричать.

И пусть содрогнутся надзвездные башни
От этого крика,
Пусть Ангелам страшно
Покажется в их ослепительной доле:
– Пресветлые духи!
Отведайте боли!

– Свидетели звезды!
Свидетели море и Рейн!
Нас ваши мучения ранят
Больней и острей,
Чем пытки и казни,
Что нам уготовили вы –
Распятья, бичи и костры,
И львиные рвы.

Но Ангел, избывший страданье,
Вернется опять
И станет лучами
На куполе храма играть.
С улыбкой на фреске
Свой собственный образ найдет
И в хор славословящий
Голос негромкий вольтет.

– Я вижу, я слышу,
Я все понимаю умом,
Но невыносимо
Остаться с тобою вдвоем.
Хоть дважды, хоть трижды,

Хоть тысячу раз
Отдай свою жизнь за меня –
Не станет холодное сердце
Частицей огня.

И молится Каин,
И лоб разбивает,
И пыльные плиты
Несчетно лобзает,
И бьет себя плетью,
И носит вериги,
И вызубрил насмерть
Священные книги.
Но ненависть к брату
Под пеплом таится,
И больше, чем смерти,
Любви он страшится.

II.
Отродье волчицыно!
Что ты скулишь?
Весь мир тебе отдан в добычу–
И этого мало!
Да хоть бы и звездное царство
Ты завоевала,
Но голода, сердце сосущего,
Не утолишь!

Боишься ли смерти?
– Никто не боится ее.
Она бы казалась желанной,
Когда бы не зависть к живым.

И день ото дня наполняется Рим
Какими-то слухами, снами,
А сделки с чужими богами
Сулят, что мы сможем родиться опять,
Чтоб в новых рождениях все наверстать
Смогли упустившие счастье свое.

А если мы сыты богатством и славой,
Как кровью упившиеся удавы,
И счастья избыток
Валит из ноздрей?
И вечная молодость нас не прельщает,
И оргии таинств
Не обольщают,
И миф позабытый
В сознание всплывает:
Как с камнем в объятьях

В пучину морей
Бросался, постылый свой рай покидая,
Бессмертьем измученный Гиперборей?

Но Курций? Но Регул?
Жена Коллатина?
Чьи судьбы легли
В основание Рима!
Чему же они исступленно служили?
Тому ли, чтоб мы
Словно боги зажили,
А все их немеркнущие деянья
Спокойно бы предали осмеянью?..

Лукреция славы своей с собой не взяла,
Но чашей страданья
До самого дна насладились.
Зачем?
Неужели ей тайна открыта была,
Та, что от нас
Когда-то сокрылась?

Тайна незримого...
И если к ней не пробиться,
То и тысячу раз
Бесполезно родиться.

И вот это в нас плачет,
Это нас гложет,
И вечная смерть его не превозможет.

.....
...Но вот уже солнце встает,
И пыль
Клубится над Аппиевой дорогой...
О Рим! Подожди еще немного!
Ты вечен, что тебе несколько дней!
Видишь Аппиеву дорогу?
И он уже идет по ней.
И цепи на его ногах звенят,
Как всех благовестов предвестье!
О Рим! Вы всегда теперь будете вместе,
И вас ни за что не разлучат
Ни зависть земных и подземных богов,
Ни лукавство неистребимое
Твоей грешной души.
И он на встречу с тобой спешит
И не чувствует тяжести
Своих оков.

III.

Звезды птицам диктуют путь.
Птицы летят,
Повинуясь своей судьбе.
О Рим! Скажи, был ли кто-нибудь
Из земных царств подобен тебе?

Лишь тебе одному Создатель открыл
Тайну полета крылатых страниц.
И авгуры твои простирались ниц,
Прочитав откровенья летящих крыл.

И не сама железная воля твоя
Предначертала твой необъятный рост,
А воля, которой покорна сама Земля, –
Наипервейшая из небесных звезд.

И плывущий в бездне
Звездный поток
Перекликается с руслами
Наших рек.
И звезды вглядываются в лица дорог,
Что проложил по земле человек.

Потому что дороги эти –
Место встреч,
Ради которых был мир сотворен.
Вспыхивают звезды двойным огнем.
Делается прерывистой
Звездная речь.

2. Икония

I.

Жена да повинуется мужу во всем,
Каждое его желанье – жене закон.
Муж лучше жены
Все видит и знает.
Он ей глава, пусть его почитает.
Так апостол сказал,
Так тому и быть.
А жену должен муж, как себя, любить.

Вот и полюбил он тебя не шутя,
Бедное,
Неразумное,
Дивное дитя.

II.

Втайне всегда он собою гордился.
Что тут поделать? Таким уж родился!
Всех и умней, и сильней, и ловчей,
Знает прекрасно, любимец он чей.

Боже Израилев, мир сотворивший,
Нас, Твоих первенцев,
Благословивший.
Давший нам право
Отцом Тебя звать.
Господи! Ты и отец нам, и мать.

Отче! Но ведь и язычники эти –
Тоже Твои,
А не чьи-нибудь дети.
Разве душа моя может смириться
С адом, который в их душах творится?

Если мы были едины в Адаме,
Значит, все это творится и с нами.

Те же глаза, что на небо и солнце взирают,
С жадностью смотрят,
Как звери людей пожирают.
Боже великий!
Пошли же Мессию скорей!
Дети Твои
Превращаются в хищных зверей.

.....

Мальчик из Тарса!
Создатель твой
Не лучше ли всех тебя знает?
Страстное сердце твое
Не жарче ли солнца пылает?

Ведь ты никогда –
Ни на час, ни на миг –
Себе не выпрашивал рая.
Ты все бы отдал,
Чтоб других научить
Блаженству гореть, не сгорая.

.....

– Руками бы весь этот мир обхватить
И с ним –
В долгожданное Царство Божье.
А что тут такого?
Господь Всемогущ,

Он может все.
И Мессия сможет.

.....

– Но я же великий грешник
И, что еще хуже, – глупец!
Всевышнему вознамерился
Давать советы!
Но Ты, Отче, моему безумию положил конец.
Прежде, чем я сам
Догадался об этом.

Если Мессия пришел,
Был распят
И воскрес –
Значит, больше нечего
В этом мире страшиться.
Это выше чуда,
Выше всех чудес –
Это залог того,
Что и самый лютейший грех простится.

Он воскрес –
Какое счастье!
Значит, и грехи,
И страдания
Могут превратиться в радость,
Превратиться в ликование.

Вот, я готов! Я обойду весь мир,
Эту истину великую возвещая.
Невозможно?
Возможно все, чего хочет Бог.
Мы же сами чудо –
Ничтожной глины комочек
Необъятную душу вмещает.

.....

– Саул! Тебя не простит Синедрион.

– Главное для него,
Чтобы он сам был прощен.

– Братья тебя проклянут!

– Мне теперь Ангелы братья.
Но если по-честному,
Мне наплевать на эти проклятья.

– Станешь нищим, бездомным,
Без семьи, без детей...

– Такова Божья воля.
Да и вообще ужасно
Быть излишне счастливым,
Когда все так несчастны.

Впрочем, царство Мессии
Не за горами.
Он придет опять,
Не будет ни бедняков, ни богачей.
Господь отрет слезы со всех очей.
Ждать не так уж долго, увидите сами.

(– Кажется, я опять за свое.
Мне, наверно, вовек
Не научиться терпению.
Но ведь у Господа тысяча лет –
Как один день,
И вечность перед Ним –
Как единое мгновенье.)

III.

Икония Ликаонийская. Проповедь апостола Павла

О, как они счастливы!
Пока он с ними –
Они горят,
И кажется,
Что их вера неколебима.
А что будет,
Когда он от них уйдет?
Жизнь каждодневная
Неужели их засосет?
Но семя сеется...
И когда-нибудь даст всход...

– Господь на страже.
Ни одно мое слово не пропадет.

Город Икония! Будь благословен!
Облака над тобой –
Позлащенные розы.
И запах роз наполняет двор
Твоего дома, Онисифор.
Благословен ты,
И семья твоя,
И весь дом твой,
И все, кого этот двор вместил,

И те, кто снаружи – толпой,
И над цветами
Голубые стрекозы.

О, как он счастлив!
Дыханье любви,
Неслыханной, небывалой,
Его охватило.
За спиной его трепещут крылья.

– Ни одно мое слово
Не пропадет напрасно...
Я слышу отзвук,
Глубокий и ясный.
И эта девушка, как она слушает!
И как она прекрасна!
Она притягивает, а ведь чиста как дитя.
О Небо!
Но в ней же Самсонова сила!

IV.

Цестилий, прокуратор Иконии

– Икония – город невежд и ослов.
В театре не бывает представлений,
Одни только казни.
Здесь не с кем сказать и двух слов.
Даже у лесных варваров
Жизнь разнообразней.

Книг не читают, даже в руки не берут.
Докатились. Наследники Эсхила.
Нет, это не только у них,
Повсюду жизнь прогнила.
Прорицатели правы,
Нас великие ужасы ждут.

Так! Кажется, уже начались,
И прямо под моим окном.
Ломится орущая толпа
К римскому прокуратору в дом.

– Игемон! Там внизу Фамир
И с ним целая толпа оборванцев.
Требуют немедленно казнить
Какого-то чужестранца.

– О боги! Я собирался
Пораньше лечь спать.
Ночью, что ли, я должен

Этого бродягу искать?

– Его не надо искать, он тут.
Он связан,
И стражники его стерегут.

(– Да что стряслось?
С чего это Фамир в таком раже?
Купил и эту чернь, и городскую стражу.
Он, конечно, первый в Иконии богатей,
Но никогда не опускался до подобных затей.
А я так хотел спать!
Вот назло ни за что не пойду
У тебя, скотина, на поводу.)

– Хорошо, пусть он войдет.
Будь счастлив, Фамир!

– И ты будь счастлив, Цестилий!

– Мир тебе, мир.
Скажи, Фамир, какая беда
В столь поздний час
Привела тебя сюда?

– Игемон, его надо казнить!
Он колдун!
Он на весь наш город
Наведет беду!

– А как стало известно
О его злых делах?
Я хочу знать,
Оправдан ли твой страх?

– Ну хорошо. У меня есть невеста.
Тэкла, дочь Тэоклеи.

– Мне эта матрона известна.

– Так вот, она понаслушалась
Всякого вздора, что несет этот Павел,
Засевший у Онисифора,
И заявила, что она мне больше не невеста,
И хочет до конца дней
Сохранить свое девство.

(– Позор! И он сюда пришел
Позором своим похваляться.
Да сделай же ты вид, что сам
Решил от нее отказаться.)

– Фамир! Я не вмешиваюсь в семейные дела.
А вдруг эта девица
С ума сошла?
А может, она тебя приревновала?
Ведь ты у нас Антиной,
Красавец, каких мало.

– Ты ошибаешься, игемон!
Это все из-за этого Павла.
Все дело в нем.
И у меня есть свидетели, что в любую минуту
Он может учинить в нашем городе
Всеобщую смуту.

(– Еще бы, животное,
У тебя хватит денег
Найти свидетелей,
Что я сам изменник.
И в Рим сообщить!)

– Фамир, послушай!
У прокуратора всюду
Глаза и уши.
Человек этот безобидный,
Он рассказывает басни,
Что жизнь прекрасна,
А после смерти еще прекрасней.
Ну хочется людям
Порассуждать,
Помечтать.
Ну скучно им, понимаешь,
Только есть и спать.

– Ты что же? Намерен его отпустить?

– Закон превыше всего.
Мы обязаны допросить
И Онисифора, и матушку,
И прежде всего – девицу.
Я прикажу им всем
Завтра сюда явиться.

– Да за ночь этот разбойник успеет сбежать.

– Его запрут
И будут в оковах держать.
Доброй ночи, Фамир!
Ты любимец судьбы,
Но по ночам отдыхают
И последние рабы.

V.

Павел в заключении

– Девочка-девочка,
Они же тебя бросят львам!
Господи! Ты смилуешься над нами!
Господи! Ты поможешь нам!

Что там за шум? Так, она уже здесь.
И стражники набивают цену.
А как же из дома сумела уйти?
Тем же путем?
Или перелезла через стену?
Хоть смейся!
Ведь то же самое сделал бы и я.
Не зря же сказано:
«Плоть моя и кость моя».

.....

– Прости меня, прости!
Ты из-за Тэклы попал в беду.

– Обо мне не тревожься, дитя,
Я завтра же отсюда уйду.
Меня и раньше бы отпустили,
Но Господь даровал нам этот миг.
Будь благословен, Цестилий.

– Вот я принесла хлеб и виноград.

– Да, мое дитя.
Но ты скорей возвращайся назад.
Мы непременно увидимся опять.
А до той поры
Ты меня будешь ждать.
Я тебя всегда услышу
И всюду найду.
Уходи, Тэкла, а то в худшую попадешь беду.

– Я на все готова и все стерплю.
Главное, что я тебе сказала,
Как я тебя люблю.

– Уходи, Тэкла, уходи скорее!

– Поздно! Это голос
Моей матери Тэоклеи.

.....
– Матереубийца! Этого стыда
Я не прощу тебе никогда.
О боги! боги!
Стражник! Сколько с нее ты взял?

– Я не помню.

– Возьми еще! И еще!
Только б никто не узнал!

.....
– Бесстыдница!
Я бы убила тебя сама!
Но все поймут, за что.
О, я схожу с ума.

– Нет на мне никакой вины.

– Молчи, тварь! Мне лучше знать!
И запомни, я тебе больше не мать.
Нам обеим конец.
Я добьюсь, что тебя сожгут.
А потом я руки на себя наложу.

VI.

Суд у прокуратора в присутствии старейшин Иконии

– Что, Тэкла, так и будешь молчать?
Ну, молчи.
У египтян есть бог молчанья.
Может, ты дала ему обещание?
Матушка,
А может, ею займутся врачи?
(– У матушки не лицо,
А посмертная маска.
Похоже, что-то знает и скрывает.
А может, и впрямь
Девушка Фамиру
Нищего бродягу предпочитает?

Хорош бродяга!
Какое лицо! Какая речь!
Знает все,
О чем бы ни заговорили.
Боги, вы слышите?
Сегодня в этой дыре
Был впервые процитирован Вергилий.

И вот его хотят казнить
Эти полуграмотные барыги.
Юпитер! За какие грехи я оказался здесь?
Даже осел, перевозивший мои книги,
В них больше смыслит:
Он ощутил их вес.)

.....

– Так значит, он воскрес.
А как? Умер и родился опять?
В Риме на этих вещах
Помешана вся знать.

Ах, не так воскрес?
А как Дионис и Персефона?
Но причем тогда Иерусалимский храм
С его законом?
Они запрещают употребление крови
И другой пищи,
Вредной для здоровья.
Очень многим римлянам
Эта диета по вкусу.
Но я никогда не слышал
Ни про какого Иисуса.

Значит, ваш долгожданный Христос
Был убит, а потом воскрес?
Это ученье новое?

– Да.
Но его исток
Древнее земли и небес.

(– О, этот человек – сама свобода.
И я ни за что
Его вам не отдам, уроды!)

.....

– Итак, внимание!
Доказано, что этот человек – иудей,
И его слушали десятки
И даже сотни людей.
Хоть один еще отказался от брачного ложа?

– Нет!

– Да на что же это похоже?!
Фамир! И вы все!

Поймите, наконец,
Он иудей. У них женится
Даже верховный жрец.
И нет, и не было
Никаких весталок.
Я все сказал. Dixon.
Дать ему для порядка
Десяток палок
И выгнать немедленно
Из города вон.
(Только так в безопасности будет он.)

.....
.....

– Тэкла! Помиришь с Фамиром!!!

– Ну, а теперь слушай!
Обычаи Иконии
Я не вправе нарушить.
Но ты, несчастная,
Нарушила их.
Фамир тебе не муж,
Но законный жених.
Ты ему отказала
Без всяких на то оснований,
И тебе придется понести
Заслуженное наказание.
Но поскольку он не муж твой,
То судьбу твою решать
Будет Тэокля,
Твоя мать.
Говори, Тэокля!

– Она оскорбила богов.
Наших предков. Весь город Иконию.
Всех присутствующих тут.
Пусть ее отведут в театр
И там на костре сожгут.

.....
.....

– Тэокля! Сестра наша!
Этого не может быть!
Как же теперь ты будешь жить?

– Никак. Я уже не живу.
Подлая тварь!
Не пожалела несчастную вдову.

.....
.....
.....
.....

– Мой любимый!
Я опять тебе делаю больно!
Это моя вина, мой грех,
Пускай невольный.

И почему-то нет страха...
Сейчас еще бояться рано.
Потом будет поздно.
А потом совсем перестану.

Господи! Я в Твоей воле.
Все, что пошлешь – стерплю...
Но я могу думать только о том,
Как я его люблю.
Когда душа освободится от тела,
Она этой любви предастся всецело!

.....

– Что это? Я потеряла сознание?
Значит все еще здесь я...

– Эй вы! Дайте кувшин
С зажигательной смесью.
Не торопитесь! Игемон велел,
Чтобы вспыхнуло все вместе.

.....

– Цестилий сидит отвернувшись.
Он сделал все, что мог.
Матушка, моя матушка!
Где ты?
Да сжалится над тобою Бог.
Нет-нет, моя бедная!
Ты же себя не убьешь?
Ах, все равно от горя
Из-за меня умрешь!

Господи, я виновата!
Но по-другому я не могла!
Тело – частица души,
Пусть лучше сгорит дотла.

.....

– Уже зажигают?
Павел, мне страшно!
Но я боюсь не огня.
Я боюсь, что я умру,
И ты забудешь меня.

Но ты же здесь! Ты пришел!
Тебя я вижу ясно.
Конечно, это ты,
Мой возлюбленный,
Мой прекрасный!
Может, это Ангел принял твой облик?

Пламя со всех сторон!

– Но как же стало темно!
– Какие тучи!
– Какой небывалый гром!

.....

– Пойдем-ка лучше! Я промок насквозь.

– Да вот уж солнце выходит опять.

– Многие уже разошлись.

– А Тэкла?
Так и останется стоять?

– Сейчас начнут заново.
Дрова отсыреть не успели.
Помедленней, правда, но сгорит.

– Эй вы! Всем замолчать!
Тише! Тише! Игемон говорит.

– Послушай, я покамест сбегая
И принесу немного сухих дров.

– Прекратить немедленно!
Сейчас же ее отвяжите!
Это ничто иное, как воля богов!
Она выражена ясно и наглядно.
Кто посмеет возражать,
Будет наказан нещадно.

– Тэкла! Иди сюда, и скорее!
Дай ей сухую накидку.
А ты ступай к Тэоклее.
Скажи, что она вправе

Ее прогнать,
Но из денег отцовских
Обязана что-то ей дать.

.....
.....

– Пойду в Антиохию.
Он туда, наверное, еще не дошел,
Но все равно придет скоро.

– Тэкла! Тэкла! Какое счастье!

– Ой, мальчик из дома Онисифора!
Архипп, мой милый, а где же все?

– А тут поблизости есть пещера.
Она огромная, как целый дом.
И мы в ней все эти дни живем.

– Кто мы?

– Онисифор и Электра,
И их сыновья, Семей и Зенон,
И слуги, Пармен и Орест,
И я.

– А он?
Архипп, где же он?

– Наставник?
Ну конечно же он с нами.
Мы его бросить одного не могли.
Онисифор готов с ним
На край земли.

Его ведь давно в Антиохии ждут,
Но он сказал, что надо оставаться тут
До тех пор,
Пока с Тэклой не прояснится.
Но вот мы и стали молиться и поститься.
Представляешь? Ну почти совсем без еды.
А наставник даже
Без глотка воды.
А потом он совсем перестал дышать.
Мы решили, что он умер.
А Электра сказала:
«Не трогайте его, он спит».
Так было страшно!
А он очнулся и говорит:
«Ну всё уже, всё!

Да благословит тебя Бог, Цестилий!»
А потом сказал мне:
«У нас вышла вся еда.
Сходи в город, купи что надо.
А потом найдешь Тэклу
И приведешь ее сюда.
Как бы ее там опять не убили».

Тэкла, тебе больно?
Ты так рыдаешь!

– Ах, Архипп! Это я в первый раз...

– Не плачь, все будет хорошо.
В Антиохию пойдешь с нами.
Представляешь? Там уже весь город
Знает, кто такие христиане.
Наставник сказал:
«Видите, сколько на небе звезд?
Вот столько повсюду
Будет и нас».

3. Антиохия Сирийская

Разговоры в городе

– Что за красавица
Среди этой рвани?

– Не такая уж рвань.
На их собранья ходит сама Трифена.
Ну знаешь...
– Кто ж не знает?
Выше всех в этом городе
Нос задирает!

.....

– Эти иудеи – изобретатели чудес.
То у них какой-то Христос воскрес...
А теперь отыскалась новая приманка –
Спасенная из огня
Красавица-христианка.

.....

– Так есть загробная жизнь?

– Не исключено, что есть.
Но окончательный ответ я тебе дам,

Только тогда, когда окажусь там.
А пока что мы находимся здесь,
И надо успеть
Как можно больше съесть.

.....

В синагоге

– Откуда эти заводилы?
Кто они такие?

– Варнава родом с Кипра.
Саул, он же Павел, – из Киликии.
Отец его много лет прожил в Риме,
Получил римское гражданство
И римское имя.
А потом поближе сюда перебрался.
Я его хорошо знал,
Я ведь сам из Тарса.

– Они просто безумные!
А ведь любого книжника
За пояс заткнут.
И где они так поднаторели?

– Да они же оба ученики Гамлиэля.

– Об этом – никому ни слова!
Еще решат,
Что и Гамлиэль верил
В того, кто распят.
А тем двоим намекни,
Чтоб в нашу синагогу
Они навсегда позабыли дорогу.
Их безумие заразно,
Вы же видите сами –
Люди следуют за ними,
Бросая дома.
Распятый Мессия!
Воскресший Мессия!
Есть от чего сойти с ума.

.....

Диалог философов

– Римляне стали писать
Не хуже, а лучше, чем греки.

– Музы сменили гражданство.
Что будет в следующем веке?

– Да, стихи красивые,
А мысли плоские, как эти плиты.

– Ты знаешь, я никогда не встречал
Мыслей изощренней,
Чем у Гераклита.
Но, говорят, он каждый день плакал,
Закрыв лицо.
А я хочу радости.

– А что это такое?
Существует ли она на свете?
Радость не описывает
Ни один из мудрецов.

– Радостью исполнены малые дети.
Не будь ее, они бы расти не могли,
А так бы и умирали
У материнских сосцов.

– Друг! О себе я говорить не стану.
Но немало таких, кто мечтает
Усесться в теплую ванну,
Вскрыть себе вены
И навсегда позабыть
О том, как в детстве
Хотелось жить.

.....
.....

Рассказ еврея

– Ты спрашиваешь,
Откуда мое знание о Боге?
От деда.
Он не начальствовал в синагоге.
У него было свое поле и сад,
Он просто возделывал землю,
Из которой взят.

А рассуждал он только среди своих,
И поэтому совершенно прямо.
Он говорил:
«И в египетском рабстве
Мы были детьми Авраама.
Нас били палками и плетью,
А за что – великая тайна.
Но в рабстве никто
Не оказывается случайно.

А на свободу выходят
Не за заслуги,
А потому что срок истек.
Или Всевышний сжадется –
И сократит этот срок».

Но Исая сказал –
Если кто очень сильно захочет,
Для него наступит рассвет
В самом сердце ночи.

.....
.....

Павел и Варнава

– Саул! Может быть, я не имею права...

– Имеешь. Ты мне родной брат, Варнава.

– Но мы с тобой решили,
Что иметь семью
Для нас невозможно.

– У меня нет семьи.

– Данный тезис нельзя назвать ложным.
Но все хотят увидеть
Женщину, спасенную с костра,
И тут же спрашивают,
Жена она тебе или сестра?

Все женщины,
С которыми она живет вместе,
Или вдовы,
Или чьи-то невесты.
Я знаю, тебе с ней трудно расстаться...

– Неправда!
Но ей же некуда деваться!
Ей нельзя в Иконию.
Ее там убьет Фамир.
А ведь она перед ним виновата.
Вот такой нам достался мир.

– Я боюсь за тебя.
Красота опасней богатства.
Такой, как Тэкла,
Не пристало с нищим скитаться.

Такие живут во дворцах,
К ним приставляют стражу.
Мы же не станем
Лицо ей вымазывать сажей!

Такая красота не бывает ничьей.
Если ее заметит кто-нибудь из богачей,
Тебя просто убьют.
И ты знаешь прекрасно сам –
Того же боялся
Даже отец Авраам.

– Помощь Всевышнего надежней,
Чем каменные стены.
Он подскажет выход.

– Выход есть.
Ее зовет к себе жить Трифена.
Она добра, как Ангел,
Она императорского рода...

– Но она схоронила дочку.
Прошло всего два года.
Привяжется к Тэкле –
И снова терять.
Мало ли что придумает
Ее родная мать.

– Мы с тобой в этом городе
Хорошо потрудились,
Но придется расстаться и с ним...
А Трифена –
С Тэклой ли, одна ли –
Должна все равно отправляться в Рим.

.....
.....

Разговор евреев

– Ну что, удалось тебе попасть в синагогу?

– Меня хотели вытолкать прямо с порога.
Но потом спохватились –
Должны же они были принять
Серебро, которое передала моя мать.

– А наши гости из царства Мессии
У тебя еще денег не просили?

– Все, что я собирался отдать им,

Мне было велено отослать в Иерусалим.

В алчности их упрекнуть
Никто не вправе.
Уж как Трифена богата!
А ведь она Варнаве
Была не прочь отдать
И все именье,
И себя в придачу.
А он не воспользовался такой удачей.

Что я такого сказал?
Почему ты плачешь?

– Я подумал,
Какая судьба вас всех ждет.
Этот мир подлецами захвачен.
Он не прощает
Тем, кто не лжет.

Диалог сирийских вельмож

– И ты решил
Из любви к своим иудеям
Отказаться от собственных богов?

– А разве эллинские боги –
Наша плоть и кровь?
Здесь некогда царили
Астарта
И многоликий Ваал.
Но что-то давно их никто не встречал.

– Если боги не выдумка,
То хитрее Ваала
Среди них никогда никого не бывало.
Он не гордый,
Ему все равно, как зваться,
Лишь бы властвовать
И жертвами наслаждаться.

– Не спорь! Мне известны заранее
Все возраженья твои.
А что, как не жертвы Ваалу,
Гладиаторские бои?

Кто настоящий хозяин кровавого театра?
Кому идет чистый доход?
Кто собирает жатву?

Жертвы корчатся в муках,
А зрители – от кесаря до последнего оборванца –
Воображают себя богами,
Стравившими греков и троянцев.

Но эллинские боги,
Эти величайшие бахвалы,
Были просто на побегушках
У того же Ваала.

Их тоже давно не видать,
Наверно, сожрали друг друга.
А Ваал им в этом помог,
Несомненно, его заслуга.
Уж слишком они обнаглели,
Вот он и согнал их со сцены,
Зато подготовил им
Блистательную замену.

Ты удивлен?
Оторвись от книг, оглядись,
А еще лучше спроси своего Павла –
Кто такой Дионис?

Бог виноделья, всегда под хмельком,
Такой веселый и добрый малый!
Но это маска!
Загляни под нее –
И увидишь звериный оскал Ваала.

И служенье ему двулично,
Как он сам.
Все это прекрасное пенье с пляской
Совершается в честь
Улыбающейся маски.

А подлинное
Происходит в глубочайшей тайне,
И горе тем, кто разгласит ее
Хотя бы случайно.
Но Ваалу порой не везет,
И в пылу дионисийского экстаза
Дядюшка Эврипид
Взял да и выболтал все разом.
И как ни старалась уничтожить
Этот текст Ваалова свора, –
Попробуй-ка, поймай
Вылетевшее на волю слово.

Римляне нами владеют
И воображают, что учат нас жить.

А Ваал над ними глумится
И заставляет себе служить.

Кто в этом городе первый?
Кто самый богатый и важный?
И перед кем лебезит
Римский проконсул продажный?

Ты вздрогнул?
Значит, ты сразу узнал,
Чьими руками
Здесь орудует Ваал.

В его распоряжение гладиаторы,
Он устраивает игры,
Где медведи, львы
И гирканские тигры
Пожирают тех,
Кто на казнь осужден.
И если бы не римский закон,
Им кидали бы всех без разбора.
Под вопли
Ликующего дьявольского хора.

– Друг, справедливо все, что ты сказал,
Но выслушай и меня.
Дневного света боится Ваал,
Как сухие листья – огня.

Значит, знает прекрасно,
Что он – слаб
И в чем слабости этой причина.
И он действует, как презренный раб,
Поработивший своего властелина.

Завистью дьявола смерть вошла в мир.
И к смерти хотят подольститься
И те, что в цирке справляют кровавый пир,
И те, что ставят во мраке
Ваалов кумир.
Но кровь будет литься и литься,
А зависть не утолится.

Но Павел учит, что только любви
Под силу разорвать
Этот круг безысходный.
И что в нашем мире
Только любовь
От зависти смертоносной свободна.

И еще он говорит,

Что тоска по любви
Живет в каждом сердце
Под толщей лжи и страха.
Если любовь разгорится
И все сердце заполнит,
То станет огненным духом
Созданье из праха.

– Ты сам начертил безысходный круг,
И тут же размечтался,
Что твой речистый друг
Вот так в одиночку его разорвет?

– Он не один,
Его держит за руку Тот,
Кто сотворил и небесный свод,
И все созвездья,
Море и сушу,
Христа и Павла,
Твою и мою душу.

Монолог иудея

– Саул, я простой еврей,
Я верил в детстве,
Что мы живем
С Ангелами в соседстве.
И то, что Господь каждый миг
Нас видит и слышит,
Было так же привычно,
Как стены и крыша.

И детство кончилось,
Но Ангелы-соседи
Так ни разу и не пришли
Отведать нашей снеди.
А тело душу сжимало все туже,
И она об одном лишь просила –
Чтоб хватило сил
Этот груз дотаскать до могилы.

Оставался разум.
Он, как мог, помочь душе старался.
На слова и буквы ссылался,
За числа цеплялся.
Только если душа нестерпимо болит,
Никакой ее разум не исцелит.

Мысли не властны пробудить
Наши желанья.

Мысли не властны
Победить наши желанья.
И ты не словами, Саул,
Обратил в свою веру меня,
А силой пылающего
В твоём сердце огня.

Во дворе христианской общины

– Послушай!
Павел из Тарса – это ты?
Хочу тебя поздравить.
У тебя жена необыкновенной красоты.

– Не знаю, о ком ты.

– Вон та женщина.
Она ведь твоя?

– Нет.

– Ну, значит, ошибся я.
А ты все же уступи ее мне,
Сделай милость.
Я тебе отсыплю денег,
Сколько тебе не снилось.

.....

– Варнава, беда!
Этот высокий с Павлом рядом...
Он страшный человек,
Перед ним проконсул трясется.
Он здесь был уже как-то раз
И Тэклу пожирал взглядом.
Я постыдился тебе сказать,
Решил – обойдется.

– Да кто же он?

– Распорядитель публичных зрелищ
Он. Александром зовут.

– Да, это плохо.
Вот уж кого
Не ожидал я увидеть тут.
Ну, значит, все.
Сейчас же ступай к Трифене.
Пусть немедля сюда идет.

– А что сказать?

– Ничего не надо.
И так все поймет.

.....
.....

У Александра

– Ну хитроумцы! Успели сбежать.
Не захотели и дня подождать.
А ведь как они были бы рады
На дороге попасть в засаду.

Зато теперь им спокойно спится –
Тэкла под эгидой
Нашей прекрасной вдовицы.
Ух эта Трифена!
Она мне как кость в горле.
Ну, скоро вдвойне пожалеешь,
Что была такой гордой.

Теперь слушайте.
Я собираюсь дней пять
Под их окнами
Подолгу гулять.
А потом исчезну.
Пусть подумают, что мне надоело,
И я решил плюнуть на это дело.

А вы пока в доме напротив
Снимите помещение.
Засядете и будете ждать,
Насколько им хватит терпенья.

И как только они выйдут,
Ты за мной лети,
А вы идите за ними по пятам.
Им рыночную площадь не обойти,
А когда увидите, что я уже там,
Ты начнешь приставать к Трифене,
Чтоб купила у тебя
Какое-нибудь украшеньё,
Ну хоть вот это!

– У нее, конечно, золота мало,
Чтоб покупать на улице
У какого-то приставалы.

– Тупица! Ты должен ее
На жалость брать –

Семью кормить нечем,
Последнее хочешь продать.
А подачку не примешь.
И будешь все громче ныть.
А ваше дело – Тэклу от нее оттеснить.
Тогда я просто схвачу ее
И унесу.
Вот будет Трифене урок.

– Справишься один?

– Ты что, не знаешь
Силы этих рук и ног?

.....
.....

У проконсула

– Игемон, Александр подал жалобу
На молодую девицу.

– Что-о?

– Я и сам подумал, что мне снится.
В жизни не читал
Ничего несуразней.
Но он требует для нее
Ни много ни мало – смертной казни.

– Дай сюда!
Кошунство? Возле рынка?
Ничего не понимаю!

– Надо расспросить нашего Архелая.

.....

– Что вчера было на площади?

– Бесплатная потеха.
Ой, не могу!

– Прекрати, осел!
Нам сейчас не до смеха.

– Владыка Александр,
Да помогут ему боги до ста лет дожить,
Взвалил на плечо какую-то девку
И хотел ее утащить.
И уж не знаю,

Откуда взялась в ней сила,
Но она его так измолотила!
А женщины вокруг кричали,
Что ему еще мало,
А потом вся площадь
Их разнимала.

– Прости, игемон, я помочь ему не успел,
Но, клянусь, что всем сердцем
О том сожалел.

.....

– Да, имеются признаки святотатства...
Но похищать девку средь бела дня,
При его богатстве...

– Игемон, прошу тебя, не торопись,
Дело непростое,
Сначала разберись.

.....

Александр у проконсула

– Она набросилась на меня
И прилюдно стала бить,
Разорвала хитон,
Изломала венец золотой,
Посвященный богам.
Боги, может, и стерпят,
Но я не хочу опозоренным быть.
Я почище богов
Ей за это воздам.

– Но бросить зверям
Деву из дома Трифены!..

– Ну и что? Она ей даже не родня!

– Александр! Она императору родня.
Что ты делаешь со мной?
Ты губишь меня.

– Игемон, не подумай ничего плохого.
Я нередко тебя ссужал
Под честное слово,
Но и расписки твои у меня сохранились.
Вот бы в Риме на них подивились.

.....

.....

У Трифены

– Я ее не отдам!
Я императору напишу!
Вы не смеете к нам прикасаться!

– Госпожа,
Такие, как мы, императора не боятся.
Мы люди маленькие, с нас хватит
Бояться того, кто нам платит.
Император нас и не заметит.
Проконсул приказал –
Вот он за все и ответит.

(– Вар-на-ва! Ты мне трижды велел повторить,
Что я обещаю из дому не выходить.
Я это все натворила сама.
Господь наказал меня, лишив ума.)

– Сестрица, дитятко мое родное,
Я тоже иду!
Я умру с тобою!

– Не плачь, Трифена. Мы не знаем, что нас ждет.
Может, Господь нас опять спасет.

.....
.....

В христианской общине

– У нее еще есть день.
Хоть бы ей умереть
Прежде, чем звери ее коснутся.

– Она молодая. Это только старикам
Такое счастье –
Уснуть и не проснуться.

.....

– Господи, Ты ее два раза спас!
Ты спасешь и в третий!
Ты помилуешь нас.

– Он сказал «два раза»?
А когда был второй, сестра?

– А этот Александр?

Да он пострашней костра!
Ты знаешь, какая сила в его руках?
Люди видели, как он на спор
Поднимает быка.

.....

– Но христианам нельзя ходить в такие места!

– Хочешь бросить сестру в беде,
Чтоб не запачкать свою душу?
Хорошо ты понял ученье Христа.

– Брат, послушай!
У меня денег только на один билет,
А у моей жены очень сильная молитва.

– У кого есть деньги,
Заплатят за тех, у кого нет.
Мы все должны там быть,
Это наша битва.

.....

– Брат, когда мы завтра туда пойдем,
Мы все должны молиться
Об одном и том же.

– Да.
И только о полном спасении.
Просить о другом –
Значит усомниться
Во всемогуществе Божьем.

В цирке

– Госпожа, мы тебя проводим
В почетную ложу.
Своих служанок можешь взять с собой.
Они сядут у тебя в подножье.
В первом отделении
Будет гладиаторский бой.

– Сестры, если я в обморок упаду,
Не обращайтесь вниманья.
Молитесь, молитесь не переставая,
Вы ей облегчите страданья.

.....

Тэкла и служители цирка

– Она немая, что ли?

– Просто не хочет есть.

– Ну ступай тогда в клетку обратно.
Можешь вон там поудобнее сесть.
Бой гладиаторов посмотришь бесплатно.

.....

Тэкла

– Павел сказал, что увидимся еще раз
Прежде, чем надолго расстаться.
Это залог. Не буду бояться.
Буду за эти слова, как за якорь, держаться.

Музыка? Чей триумф они празднуют?
Почему так орут?
Неужели от радости?

– Идут! Идут!

– О ужас! Они вне себя от счастья,
Потому что другие у них на глазах умрут.

Значит, чужие мученья –
Это их наслажденье.
Значит, они страшнее
Голодного зверья.
Господи! Не отдай меня им на съеденье!
Я же Твоя!

.....

Христиане в амфитеатре

– Отец, я не могу!
Я, наверно, недостойн
Христианином быть!
Но я их ненавижу!
Я готов
Их всех до одного убить.

– Сынок, прижмись к моему плечу,
Зажмурься
И можешь уши заткнуть.
Мы не можем уйти.
Мы не бросим Тэклу.

Нам отрезан обратный путь.

– Отец, если б меня отправили на костер
Или бросили львам,
Я бы пел и Бога славил.
Но как же вынести этот позор?
Эти дьяволы – наши братья!
Да мы ведь жить не вправе.

– Сынок, мы отречься от них
Не имеем права.
Ты сам сказал: они нам братья,
Наша кровь и плоть.
Их души поразила
Безумия отравка.
Вспомни, что сделала
Эврипидова Агава!
Но и таких когда-нибудь
Помилует Господь.

.....

Тэкла

– Сколько их? Отсюда не сосчитать,
Но уже шестого
Волокут крюками на склад.
А вдруг он жив?
Господи! Это преддверье ада
Или это сам ад?

...Какой красивый! Совсем молодой!
И его сейчас убьют...
Нет, кажется, он побеждает...
Уже победил...
А-ах! Он по рукоятку
В грудь тому меч вонзил...
И они ему рукоплещут!
О, как страшно они режут!
Боже! Как я тут оказалась?
Как мы все оказались тут?

Убийцы!
И я убийца!
И все мы достойны ада!
Если бы Фамир
Умер в ту ночь –
Разве я не была бы рада?

.....

– Отец, у тебя такая холодная рука.

– Ничего.

Все наши рыдают.
Понимаешь, что это значит?
Сегодня впервые за долгие века
Несчастливых гладиаторов
Кто-то оплачет.

.....

Тэкла и служитель

– Ну, надумала есть?

– Нет!

– Зато заговорила.
Вот тебе копье.
Не хочешь? Ну и ладно.
У тебя ж ни ловкости, ни силы!
Как тебе от львицы отбиваться?
На тебя и ставки делать побоятся.

Так и быть, я это доем из чувства долга.
А ты запомни:
Чтоб тебе не мучиться долго,
Ты от львицы не бегай,
А наоборот –
Горло ей подставь,
Она его вмиг перегрызет.

– Благодарю тебя.

– Ну вот. Зрители там попили-поели,
Сейчас, значит, будут псы и газели.
А потом уже мы придем за тобой
И по всем правилам
Проводим на бой.

.....

Тэкла

– Целое стадо нагнали! Целое стадо!
Может, совсем не смотреть?
Нет, буду смотреть, так надо.

Боже! Такие красивые!..
С дивными глазами...
Ангелам впору с ними играть...

И эти дьяволы не поскупились,
Лучшие ловчие потрудились,
Для того чтоб их бешеным псам отдать!
Господи, да они же безумны сами.

Вот они! Вот они!
Господи, сжался над нами!
Кротких, безвинных
Травят злобными псами!

Как же мы здесь оказались?
За что?
Рассудок меня покидает...
Кажется, мне уже все равно...
Пусть и меня растерзают.

Вот, они уже умирают...
Это недолгие муки...
Павел! Я не хочу
Жить с тобою в разлуке!

А эти! Как они наслаждаются смертью!..
Как исступленно вопят!
Павел, жизнь без тебя
Для меня страшнее, чем ад!

.....

– Господи! Господи! Что я опять
В безумье своем натворила!
Павел, я тебя предала,
Я в сговор со смертью вступила.
Господи! Он же услышит, узнает...
Как же он будет жить?
Смилуйся, смилуйся ради него!
Он должен Тебе служить.

.....

– Тэкла! Твой выход!
Очнись, ты жива?

– Если померла, с нас за это взыщут.

– Вроде бы дышит. Давай, воскресай!
Ведь ты не какая-нибудь шакаля пища,
А лакомство благородного льва.

.....

.....

В ложе проконсула

– Игемон, взгляни, не поворачиваясь –
Там Трифена.

Два часа уже молится,
Преклонив колена.
Если здесь чуда не произойдет,
Она ведь до императора дойдет.
Дела наши плохи. Я уж сам
Молиться готов.

– Кому молиться? Кому?
Нет никаких богов.

.....
.....

Зрители

– Вот, ее ведут!
Игемон! Игемон!
Останови эту казнь,
Ты попираешь римский закон!

– Римляне! Где ваш прославленный суд?

В ложе проконсула

– Кто это такие? Что они несут?

– Там внизу собралось
С городского рынка бабье.
Это они у Александра отбили ее.

– Пойди их заткни.
Скажи, что зверей волновать не надо.
Они могут взбеситься
И перелезть через ограду.

.....
.....

Тэкла на арене

– Что это? Пение Ангелов?
Боже! Все наши тут.
Молятся духом и поют.
Ах, и над ними языки огня!
Прямо как в праздник
Пятидесятого дня.

Но если эти заметят,
Они их в колдовстве обвинят.
Господи! Господи!
Пусть не видит никто, кроме меня.

– Вот и львица...
Бедная, как же ты некрасива...
Жаль, что тебе не досталась
Роскошная львиная грива...

Как в этом саду хорошо...
Кажется, я засыпаю.

Зрители

– Смотрите! Львица на брюхо легла!
К ногам ее подползает!

Тэкла

– Так ты не хочешь меня убивать?
Бедная, ты тоже уснула...
О, я скоро увижу опять
Тебя, моего Павла, моего Саула...

Зрители

– Она положила голову на спину львице
И спит.

– Проконсул! Ее надо освободить.
Боги вынесли свой вердикт.

.....

Александр и его помощники

– Идите, растолкайте эту львицу!
Ее надо поскорее разбудить.

– Владыка Александр,
Она может разъяриться.
Мы всегда поступаем по правилам,
А тут просто не знаем, как быть.

– Так. Совершенно ясно,
Что девка – колдунья,
Иначе она львицу
Усыпить бы не смогла.
У нее снадобье спрятано в одежде.
Ступайте, разденьте ее догола.

.....
.....

– Игемон! Эта львица
Никого к ней не подпускает.
Мы хотим жить.
Кому надо,
Пусть сам ее раздевает.

.....
.....

В одной из лож

– А она ведь и вправду колдунья.
И муж ее Павел Тарсянин – колдун.

– Муж? Александр похищал с площади
Мужнюю жену?
Проконсул! Положи конец беззаконью!
Боги все видят, они нам не простят!

Зрители

– Игемон! Игемон!
Боги нас покарают!
Из-за тебя этот город
Провалится в ад.

В той же ложе

– Ну вот, опять эти бабы разорались.
А ты-то зачем полез на рожон?

– Вся ее вина в том,
Что она Александру отказала.
Не ждать же, пока он начнет
Умыкать наших жен.

.....

Другие зрители

– Чего они орут? Что им надо?
Она осуждена,
Значит, должна умереть.
Не для того мы такие деньги платим,
Чтобы на фокусы эти смотреть.

.....

Ложя Александра

– Александр, эта сволочь орать не перестанет
До тех пор, пока девка жива.
Поторопи своих,
Пусть скорее
Выпускают второго льва.

.....

Христиане

– Где Тэкла?

– Да вон же она.
Львица вскочила, а она упала.
Может, ушиблась
Или сознание потеряла.

– Кажется, она пытается встать...
Нет, не смогла, села наземь опять.

.....

В ложе Трифены

– Матушка Трифена, разве так бывает,
Чтобы львица дралась со львом?

– Не бывает.
Это чудо, сестры.
Это Бог ее спасает.

.....

Группа зрителей

– Владыка Александр наспех
Устраивал эти игры.
У него и медведь болеет,
И сдохли роскошные тигры.
А какое зрелище получилось!
Лев и львица сцепились!
Да нам и не снилось!
Скажи, если б делались ставки,
На кого б ты поставил из этих двух?

– На львицу, без всякого сомненья,
В нее вселился какой-то дух.

.....
Тэкла

– Как они катаются по земле!
Как рычат!
Как клочья летят!
Вот чья-то кровь
Фонтаном взметнулась!
Значит, скоро конец...

А это я...
Не хочу смотреть...
В колени уткнулась.
Прячься-не прячься, а душу не запереть...
На все, что надо увидеть,
Придется смотреть.

.....
Зрители

– Смотрите, смотрите!
Лев издыхает –
А львица-то, львица опять
К ее ногам подползает.

Тэкла

Милая моя, милая,
Ты меня спасла.
Ах, твои глазки в крови...
Она умерла, умерла...

В ложе проконсула

– Ну что, проконсул,
Покончено с обоими львами.
И боюсь, что теперь
Черед за нами.

– А эти опять орут.
Им-то нечего бояться.

– И на похвалы тебе
Ничуть не скупятся.

– Александр не успокоится,
Пока ее не убьет.

– Согласен. Вот он опять идет.

– Игемон, мой медведь болел,
Но сейчас уже совсем здоров.
Ему два дня поголодать –
И он ей выпустит всю кровь.

Граждане Антиохии! Не беспокойтесь!
Игры продолжатся через два дня.
Вход на дешевые места будет бесплатным.
Это вам подарок от меня.

– Владыка Александр! Они тебя услышали.
Но ты бы тоже прислушался к ним.

Зрители

– Александр! Будь проклят!
Ты противник богов.

– Игемон! Игемон!
Ты бесчестишь Рим!

Ложя проконсула

– Александр! Мой друг!
Это не только бабы,
Это весь народ говорит.

– К нам идет управитель Трифены
Феокрит.

– Госпожа моя сказала,
Что если Тэклу не оправдают,
Она вместе с нею выйдет на арену
И мне придется сообщить ее сестре в Рим,
Что в этом городе звери
Растерзали Трифену.

– Александр! Сжался, смилуйся!
Боги
Спасают ее, чтоб не погибнуть мне!
Александр! Ты же видишь, и боги,
И весь народ на ее стороне.

.....
.....

В доме Трифены

– Она опять говорила во сне?

– Да.

– Все просила, чтоб Господь
Вывел нас из ада.
Но мы решили, что будить не надо.
А еще она сказала,
Что без всяких демонов
Люди мучают друг друга сами.
Просто жертвы и их мучители
Все время меняются местами.
Но теперь она как младенец спит,
Все же помогает молитвенная вода.

– Матушка, возвратился Феокрит.
Он ждет на террасе.

– Я иду туда.
.....

– Есть покупатели на поля и виноградник.
И еще мне вернули старый должок.
А вот с домом придется подождать.

– Лишь бы Александр его не поджег.
.....
.....

Трифена

– Я вспоминаю свою жизнь до того часа,
Когда я уверовала.
О, как же была я несчастна!
Я всегда ненавидела смерть.
И она мне страшно мстила –
Сначала отца отняла,
Потом нас матери лишила.
Мы с сестрой без оглядки
Отдали бы все богатства
Ради этого счастья –
К материнскому сердцу прижаться.

Жизнь брала свое,
А смерть не унималась.
Я совсем молодая вдовой осталась.
А потом доченька моя,
Фальконилла...
Господи, как же больно!
Словно вчера это было.

Но решенье мое было твердым –
Как угодно буду страдать я,
А сама ни за что не брошусь
Ненавистной смерти в объятья.

И приснился мне сон –
Дивный сад, и там Фальконилла...
Средь цветущих деревьев и птиц ярkokрылых...
И она мне сказала:
Матушка, мне так хорошо здесь.
Подожди немного, и ты радостную получишь весть.

Не прошло двух дней,
И сестра из Рима письмо мне прислала.
Вот оно!
Я его даже Павлу читала.

Я как будто сама
С воскресшим Христом воскресла.
О Иисус!
Я попрали смерть вместе с ним.
А потом пошли чудеса
Одно другого чудесней.
Я, конечно, решила здесь все продать
И отправляться в Рим.
Но ведь Феокриту
Всю правду сказать придется!
И вдруг он мне сам признаётся,
Что втайне от меня
Посещает собрание,
Такое же, как в Риме,
И что христиане
Есть уже и во многих других местах,
И все они ожидают
Возвращения Христа
В силе, с небесным воинством
И с великой славой!
О, милосердный Боже!

А потом я увидела брата Варнаву...
Мне о нем писала сестра...
Он ведь первым проповедал в Риме...
И сестру мою крестил со всеми другими...

А потом пришел Павел,
Этот огненный серафим,
И ты, моя голубка белая, с ним.

Любить друг друга и славить Отца –
Нашей души и нашей любви Творца!..

Это и есть пребывание в Царстве Божьем.
И во всех мирах нет ничего дороже.
Целая вечность вместилась
В прожитый нами год!..
Да, я знаю, нам всем предстоят страдания,
Но мыждемся нового,
Вечного свиданья.
Безмерно терпенье того, кто твердо
Знает, чего он ждет.

.....

– Сестрица, хотела бы узнать я,
Где они сейчас, наши братья?

– В Миррах Ликийских.
Но тебе туда рано, Тэкла.
Ты еще недостаточно окрепла.

А мы еще не всё успели продать.
Половину от вырученного
Ты с собой должна взять.
А вторую я оставлю здешней общине.
Не бойся, мне и сестре
Хватит того, что у нас в Риме.
А еще у меня в Селевкии дом,
Но об этом поговорим потом.

.....
.....

– Матушка, Тэкла волосы остригла
И мужскую одежду себе шьет!

(– О горе! Все еще надеется,
Что он ее с собой возьмет.)

.....

– Бедная ты, бедная, Павел никогда
Не изменит своего слова.

– Знаю прекрасно.
Но пусть увидит,
Что для него я на все готова.
И в дороге лучше мальчиком быть...

– Я тебе нанимаю охрану.
Тэкла, я не решалась до сих пор,
Все боялась, что слишком рано...
Вот уже две субботы, как Онисифор

К нам вернулся...
В Иконии после твоего спасенья
Очень многие уверовали
И принимают крещение.
В их числе Тэоклея, твоя мать.
Ты простишь ее?

– Мне ли ее прощать!

– Вот Господь распорядился
Твоей судьбой.
Мой дом в Селевкии –
Он теперь твой.
Братья и сестры будут совсем рядом,
А может, кто и поселится
Вместе с тобой.

4. Дорога в Мирры Ликийские

– Ты говоришь, мы должны
Надолго расстаться,
А я и дня не хочу
Прожить в разлуке с тобою.
Ты говоришь, тебе целую жизнь
Суждено скитаться,
Ходить в оковах,
Терпеть голод, холод и побои.

О, позволь мне быть всегда с тобою рядом!
Тело пусть пребывает, где угодно.
Его даже можно запереть в темницу,
Но душа безмерна, душа свободна.

Моя душа только часть твоей души огромной.
Малое всегда к большому стремится.
Я теперь стала умнее, я знаю,
Мне ничто не мешает
С тобой соединиться.

Душа весь мир в себя вместить жаждет,
А телу нужно совсем немного!..
Дай мне побыть в этих Миррах
До той минуты,
Когда ты снова отправишься в дорогу.

Я буду твердой,
Я не заплачу ни разу,
Провожая тебя
В далекие дали...
А потом я все равно упаду наземь,

Буду рыдать
И целовать следы твоих сандалий.

5. Послание к Римлянам

Апостол Павел сказал:
– Я знаю
Тайну домостроительства Божия.
Да преобразится вся земля,
Чтобы стать
Возводимого здания подножием.

И чтобы весь мир приготовить к жизни новой,
Он взял себе в союзники
Свирепый и алчный Рим.
А время, злейшего врага всего живого,
Он сделал посохом крепким своим.

Рим и отрасли его,
Ненасытны и непреклонны,
Пройдут через все океаны
И сквозь все века
Путями, которые укажут им
Звезды с небосклона
И повелевающая звездами рука.

И Господь сотворит день,
Великий и страшный,
Тот, в который Спаситель прийти обещал,
Вопреки всем преступлениям
И заблуждениям нашим.
Но это будет не конец,
А начало начал.

И Ангелы,
Незримо пребывающие меж нами,
Взмахнут крылами
И станут видны до краев земли.
О Рим, без Павловых
И без твоих деяний,
Поверь, они бы этого не смогли.

Мир наш,
Истерзанный своим безумьем и скверной
Рванется ввысь,
Умоляя о любви и прощеньи.
Суд совершился.
Мир приговорен к смерти
И помилован.
Праведники

Пусть принимают
Наследное владенье.

И пусть незакатное солнце над ним
Свет источает сладкий.
И всюду алмазами играет Рим
От Кордильер до Камчатки.